

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОБРАЗА СИРОТСКОЙ И ВДОВЬЕЙ ДОЛИ В ЛИРИЧЕСКИХ, СИРОТСКИХ И БАЛЛАДНЫХ ПЕСНЯХ ЧЕРНОМОРСКИХ КАЗАКОВ

LEXICO-SEMANTIC EMBODIMENT OF THE IMAGE OF THE ORPHAN AND WIDOW'S SHARE IN LYRICAL, ORPHAN AND BALLAD SONGS OF THE BLACK SEA COSSACKS

T. Yepatko
S. Burdun
O. Belousova

Summary: The aim of the article is to identify ways of lexico-semantic representation of the image of the orphan and widow's share in lyrical, orphan and ballad songs of the Black Sea Cossacks. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time the lexical and semantic embodiment of this image is considered on the regional material of Kuban Cossack songs. As a result of the study, it was revealed what the similarity in the semantics of the lexemes «недоля», «сирота», «вдова» is, and additional meanings arising from the words «сирота» and «вдова» in the Black Sea Cossack songs were described.

Keywords: opposition «доля – недоля», songs of the Black Sea Cossacks, lexeme, sema, semantics, meaning, additional meaning.

Епатко Татьяна Александровна

кандидат филологических наук, доцент, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. А.К. Серова
epatko.t.a@yandex.ru

Бурдун Светлана Владимировна

кандидат филологических наук, старший преподаватель, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. А.К. Серова
010670@bk.ru

Белоусова Ольга Анатольевна

преподаватель, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. А.К. Серова
elpashevaoo@mail.ru

Аннотация: Цель статьи – выявить способы лексико-семантической репрезентации образа сиротской и вдовьей доли в лирических, сиротских и балладных песнях черноморских казаков. Научная новизна работы заключается в том, что впервые рассматривается лексико-семантическое воплощение данного образа на региональном материале кубанских казачьих песен. В результате исследования было выявлено, в чем заключается сходство в семантике лексем «недоля», «сирота», «вдова». Также были описаны дополнительные смыслы, возникающие у слов «сирота» и «вдова» в черноморских казачьих песнях.

Ключевые слова: оппозиция «доля – недоля», песни черноморских казаков, лексема, сема, семантика, значение, дополнительный смысл.

Древние славяне верили, что человеческую жизнь определяет некое мифическое существо – Доля [15, т. 2, с. 114]. Образ Доли является одним из распространенных образов и в песенном фольклоре черноморских казаков. Актуальность данной работы обусловлена усилением интереса к изучению фрагментов языковой картины мира кубанского казачества, частью которого являлись черноморские казаки.

В данной работе решаются следующие задачи: дать семантическую характеристику лексемы *доля*, а также лексем *сирота* и *вдова* по этимологическим и толковым словарям русского языка; отобрать тексты черноморских казачьих песен, посвященных сироте или вдове и содержащих лексему *доля*, ее синонимы и / или антонимы, а также их дериваты; выявить способы лексико-семантической репрезентации образа сиротской (вдовьей) доли на текстовом уровне.

В статье применялись следующие методы исследования: метод сплошной выборки и количественной об-

работки материала, метод систематизации выбранных языковых единиц, метод дефиниционного и контекстного анализа их семантики.

Теоретической базой данного исследования стали фундаментальные труды в области славянского фольклора и славянской ментальности: А.А. Потемни [13], В.В. Иванова и В.Н. Топорова [7]; а также в сфере лингвофольклористики: С.И. Ерёмной [5], С.Е. Никитиной [12], А.Т. Хроленко [19].

Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее результатов при подготовке вузовских лекций и практических занятий по лингвофольклористике, лингвокультурологии и, кроме того, на школьных уроках кубановедения.

Источниками песенных контекстов явились сборники: «Песни кубанских казаков» А.Д. Бигдая [2], «Народные песни Кубани» В.Г. Захарченко [6] и «Народные песни казаков» Г.М. Концевича [9].

В общем материале исследования – 408 лирических, сиротских и балладных песен черноморских казаков – было выделено 24 песни, посвященных сиротской или вдовьей доле, из них – 2 песни с лексемой *доля*; 8 песен, включающих как лексему *доля* и / или ее дериваты, так и синонимы и / или антонимы этого слова, а также их производные; 14 песен, в которых употребляются только синонимы и / или антонимы лексемы *доля* и их производные.

В «Кратком этимологическом словаре русского языка» Н.М. Шанского, В.В. Иванова, Т.В. Шанской отмечается, что слово *доля*, общеславянское по происхождению, известно также в украинском и польском языках. Оно образовано от той же основы, что и глагол *делить* [22, с. 129]. По данным «Этимологического словаря русского языка» А. Г. Преображенского, слово *доля* восходит к индоевропейскому корню *del-*, имеющему значение «раскалывать, разрывать» [14, т. 1, с. 190]. Можно предположить, что слово *доля* первоначально обозначало ‘часть целого, образовавшаяся в результате его разделения’.

М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» указывает на связь семантики лексем *доля* и *судьба*. Автор словаря считает, что лексическое значение слова *доля* со временем расширилось, и оно стало обозначать не только часть чего-либо материального, но и судьбу человека [18, т. 1, с. 526].

Подобное расширение значения А.А. Потебня отмечает у синонима слова *доля* – лексемы *счастье*: в фольклорном употреблении это слово может обозначать «состояние имеющего часть» [13, с. 357]. В синонимические отношения вступают соответственно и образованные с помощью отрицательной приставки *не-* антонимы этих существительных – лексемы *недоля* и *несчастье*: «*Несчастье* – отсутствие части-счастья» [Там же], то есть ключевой семой этих слов является сема отсутствия, лишения.

В.В. Иванов и В.Н. Топоров в своем исследовании «Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период)» также указывают на то, что языковым вариантом противопоставления *доля* – *недоля* является «славянская пара *счастье* – *несчастье*, первый член которой восходит к праславянскому *sz-čęstbje*» [7, с. 67]. Ученые полагают, что слова *доля* и *счастье* первоначально были связаны с хозяйственной практикой, архаической процедурой отмеривания (в том числе отмеривания земли). Затем, по их мнению, произошла ритуализация этой процедуры, которая начала использоваться также в гаданиях и судебных делах. Не случайно слова *суд* и *судьба* не только употреблялись в древней юридической практике, но и эксплицировали идею предначертанности [Там же, с. 68-69].

Этимология слова *доля*, безусловно, отразилась в его лексическом значении. В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» определяет это слово не только как «часть, дробь, участок, пай, надел» [4, т. 1, с. 477], но и как «жребий, участь, судьба, рок» [Там же]. Эти же значения зафиксированы и в толковых словарях русского языка XX-XXI вв. «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой и «Большой академический словарь русского языка» под редакцией К.С. Горбачевича толкуют первый лексико-семантический вариант лексемы *доля* как часть чего-либо целого, а второй лексико-семантический вариант – как участь, судьбу [16, т. 1, с. 425; 3, т. 5, с. 244]. Оба словаря выделяют у второго лексико-семантического варианта оттенок значения – «счастье, удача», помечая его как просторечный [16, т. 1, с. 425] или как устаревший [3, т. 5, с. 245].

Лексема *недоля* определяется В.И. Далем через синонимы *несчастье, злополучие, беда, бесталанность, неудача* [4, т. 2, с. 528]. В «Словаре русского языка» и «Большом академическом словаре русского языка» данная лексема имеет толкование «тяжелая, несчастливая доля, судьба» [16, т. 2, с. 437; 3, т. 11, с. 605].

В кубанском диалекте также присутствует общеславянская оппозиция *доля* – *недоля*. Интересно, что в авторском словаре П.И. Ткаченко «Кубанский говор», вошедшем в себя лексику западной и юго-западной части Кубани (территории расселения черноморских казаков), в словарной статье к слову *доля* лексико-семантический вариант со значением «судьба, рок, счастье, жребий» обозначен как первый и, значит, главный, а вариант, обозначающий часть, пай – как второй [17, с. 109]. Лексема *недоля* толкуется в этом словаре через синонимы *несчастье, испытание, невезение* [Там же, с. 185].

Описывая противопоставления *доля* – *недоля, счастье* – *несчастье*, В.В. Иванов и В.Н. Топоров приводят ещё несколько словесных воплощений второго члена данных оппозиций: *Горе, Злочастие, Лихо, Нуж(д)а, Бесталаница* и др. [7, с. 72]. А.А. Потебня также отмечает многообразие наименований недоли как мифического существа: *беда, горе, нужда/нужа, журба* [13, с. 361-362].

Слово *сирота* по происхождению тоже общеславянское. Согласно данным, представленным в «Кратком этимологическом словаре русского языка» Н.М. Шанского, В.В. Иванова, Т.В. Шанской, оно образовано от корня *сиръ-*, означающего «сирый, безродный, одинокий» [22, с. 409]. М. Фасмер и А.Г. Преображенский сопоставляют общеславянское *сиръ* с греческим *χῆρος*, обозначающим человека лишенного, осиротевшего, вдового [18, т. 3, с. 627; 14, т. 2, с. 289]. Сема лишения является категорической, определяющей в семантической структуре этого слова.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово *сирота* толкуется как многозначное: во-первых, это человек, у которого нет одного (обоих) родителей или близких родственников, а во-вторых – «беспомощный, одинокий, бесприютный, бедняк» [4, т. 4, с. 192]. В толковых словарях XX-XXI вв. семантика лишенности, оставленности несколько сужается. Так, «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой и «Большой академический словарь русского языка» под редакцией К.С. Горбачевича определяют сироту как ребенка или подростка, лишившегося одного или обоих родителей, а также как человека одинокого, оставшегося без родных и близких [16, т. 4, с. 98; 3, т. 25, с. 598].

Анализ материалов этимологических и толковых словарей показывает, что сема лишенности присутствует как в семантической структуре слов *недоля*, *несчастье*, так и в семантической структуре слова *сирота*. Закономерно поэтому, что в исследованных нами текстах казачьих песен участь сироты обозначена лексемами, представляющими преимущественно негативный член оппозиции *доля* – *недоля* / *частье* – *несчастье*: *недоленька*, *горе*, *бида*. Эти песни рассказывают о тяжелой доле казачки, лишившейся родителей, разлученной с родными и живущей на чужбине: *Ой, горе, горе сыротыни / На чужий краини... / Ой, горе, горе сыротыни / На чужыни жыты* («Ой, летив крычок на той бичок...») [9, с. 403, № 24].

В некоторых песенных контекстах, где отсутствуют лексемы *сырота*, *сыротына*, сиротская обездоленность подчеркивается употреблением существительного *род* с предлогом *без* или с глаголом *нэ маю*, указывающими на отсутствие у сироты родных: *Горэ мини на чужини та бэз свого роду* («Пыйтэ, люды, горилочку...») [2, с. 109, № 67]. В песнях «Скажи мини правду» и «Ой, летив крычок на той бичок» обездоленность, оставленность сироты, ее отрезанность от своего рода подчеркиваются глаголом *цураться / отцураться* [Там же, с. 138, № 94; 9, с. 403, № 24]. Женщина печалится не только оттого, что она далеко от «родыноньки», но и оттого, что родственники отрекаются от нее, не хотят ее знать – «цураются».

В описанных песенных контекстах общий мотив несчастной, горькой доли усиливается и за счет употребления, наряду с лексемами, обозначающими недолю, их дериватов: *гирко (мени)*, *гирш (нема никому)*, *несчастливая (наша)*, *нэщаснэ (зацемыть)*, *лыхая (годына)* (*Та не хылыся, гилко, / Бо й так мени гирко... / Та не грай сыне море, / Бо й так мени горе / Та на чужий чужыни / Бидний сыротыни* («Та выликала галка...») [9, с. 437, № 53]). В некоторых песенных контекстах присутствуют только производные слова, называющие недолю: *Та нема гирш никому, / Як тий сыротыни: / Нихто не прыгорне / Пры лыхий годыни* («Та нема гирш никому...») [Там же, с. 55, № 30].

В песнях черноморских казаков, посвященных сиротской доле, не обнаружено употребления лексемы *талан*, являющейся народно-поэтическим эквивалентом слов *доля*, *судьба* [1, с. 489], однако обездоленность сироты может быть обозначена образованным от этой лексемы прилагательным *бэзталанна*: *Ой, я бэзталанна уродылася, / Учужий сторонци знадобылася... / Ой, я бэзталанна уродылася, / Свойий стороны нэ згодылася* («Ой, давно, давно матинки нэма...») [2, с. 166, № 118].

В песне «Скажи мини правду...» синтагматика лексемы *горэ* включает сравнение: *Що дияты сэрюю, як воно болыть... / Як горэ, мов тэрэн, всю душу поколэ, / Колы отцуралось тэбэ вжэ усэ...* [Там же, с. 38, № 94]. Горе от одиночества, причиняющее сироте душевную боль, сравнивается с колючим терном, а сама девушка – с сухим перекасти-полем: *И ты, як сухэ тэ пэрэкоты-полэ, / Нэ знаэш, куды тэбэ витэр нэсэ* [Там же, с. 38, № 94]. Перекасти-поле – это растение, высохший стебель которого ближе к осени отрывается от корня и переносится ветром по степи. Корень в фольклоре осмысливается как основа, род, семья [11, с. 116], поэтому закономерно, что сирота без отца и матери сопоставляется с растением без корней. Эпитет *сухэ (пэрэкоты-полэ)* обогащает сравнение семей печали: сухая трава «образно ассоциируется с тоской, печалью» [Там же, с. 82].

Если в сравнении образ сравниваемого объекта является начальным, то в близком сравнении приеме психологического параллелизма он «дан второй параллелью» [21, с. 356]: *И ни, кажу мовчкы, скосывши былыну, / Хоч ранок и взчир водою полный, / Нэ зазелэние... Кохай сыротыну... / А матэри й батька нэ бачиты йий* [2, с. 38, № 94]. В данном контексте сирота сопоставляется со скошенной былиной, при этом «первая параллель как бы вбирает в себя содержание второй» [21, с. 356]. Былина в песенном фольклоре символизирует одиночество и сиротство [10, с. 194]. При этом предметный символ усложняется, поскольку «действия, которые человек производит с предметом (например, подсекает, жнет, рвет, срезает...) тоже получали в песнях символическое значение, причем всегда одно и то же и строго постоянное» [5, с. 132]. Былину скашивают, и она уже никогда не зазеленеет, а увядание скошенной травы в фольклорном сознании тесно связано с печалью [10, с. 194]. В этой песне сиротская обездоленность показана необыкновенно ярко: она сравнивается с колючим, причиняющим боль терном, а сирота, лишенная родителей, сопоставляется с растениями, лишенными корней – катящимися по земле перекасти-полем и скошенной былиной.

В представленных песенных контекстах возникает оппозиция *свой* – *чужой*: героиня песен или является сиротой, потерявшей своих родных, или чувствует себя сиротой, покинутой своим родом и не нужной «своей

стороны» [2, с. 166, № 118]. О.В. Кондрашова и И.В. Шельдешова в работе, посвященной семантике лексемы *свой*, отмечают, что «местоимение *свой* в языковом сознании народа является тем ограничивающим словом, которое очерчивает ближайшее к субъекту... родственно-общинное, территориально-природное... пространство, ощущаемое как освоенное и комфортное. И все, что наполняет это пространство, воспринимается как собственное, близкое, родное в противовес чужому, выходящему за рамки своего, и потому получающему негативную оценку» [8, с. 54]. Горькая оторванность сироты от своего пространства подчеркивается включением в тексты казачьих песен лексем с корнем *чуж-*: *у чужий сторонци, на чужини, на чужий чужини, на чужий краини*. Таким образом, в контексте песен черноморских казаков лексема *сирота* приобретает дополнительный смысл 'лишенная своего пространства'.

Ряд песенных текстов, повествующих о сиротской участи, содержит лексемы *доля* и *счастье*. Существительное *доля* сочетается в таких контекстах с кратким прилагательным *гирка* (*доля*) или с указательным местоимением *така* (*доля*), приобретающим в этих контекстах значение «горькая»: *Така йийи доля... О, Боже мий мылый, / За що ты караеш йийи молоду?* («Така йийи доля...») [9, с. 91, № 15]. В процитированном песенном тексте рассказывается о разлуке девушки с милым. В таком лексическом окружении семантическая структура слова *доля* включает сему 'оставленность' и по своему значению является не антонимом, а синонимом второго члена оппозиции *доля* – *недоля*.

Восточные славяне, по свидетельству этнолингвистического словаря «Славянские древности», понимали долю как часть «некоторого количества блага..., которым свыше наделяется человек при рождении» [15, т. 2, с. 114]. Нередко представления о доле воплощались «в конкретном мифологическом образе» [Там же]. Доля могла иметь облик женщины – особого существа, которое сопровождает человека от рождения до смерти. А.А. Потенба отмечает, что, с одной стороны, доля может быть «двойником человека, полным его отражением» [13, с. 114], а с другой стороны, она может быть противопоставлена человеку и способна даже наслаждаться жизнью, когда он страдает [Там же]. В песнях «Ой, летив крячок на той бичок...» и «Скажи мини правду...» слово-образ *доля* олицетворяется, сочетаясь с глаголами, обозначающими действия человека и употребленными в метафорическом значении (*волочься*, *шуткуе*, *поманэ*, *полыне*): *Ой, десь моя гирка доля / Шляхом волочься* [9, с. 403, № 24]; *А доля шуткуе, / Поманэ, поманэ, та й гэть полыне* [2, с. 138, № 94]. В результате предикативного олицетворения доля представлена как живое существо, которое в песне либо сопоставляется с сиротой (и тогда доля бесприютно бредет по дороге), либо противопоставляется сироте (и тогда доля смеется над

ней, маня и уносясь прочь).

Кроме того, в песне «Ой, летив крячок на той бичок...» с помощью приема психологического параллелизма бредущая по шляху горькая доля сироты сопоставляется с покрывающим долину туманом, символизирующим в народной поэзии печаль [13, с. 38]. В результате такого контекстного сближения содержание слова *доля* обогащается эмоциональной семой печали.

Оживотворенный образ сиротской доли – либо несчастного двойника сироты, либо антагониста, смеющегося над сиротой, – сливается с образом сироты в общем мотиве оставленности, лишенности, обездоленности.

Лишь в двух песенных контекстах казачьих сиротских песен лексема *доля* имеет значение «счастливая судьба». В песне «Ой, зийды, зийды та зиронька...», наряду с лексемой *нэдолэнька*, употребляются антонимичные ей лексемы *щасте* и *доля*. Но в контексте сиротской песни эти существительные, управляемые глаголами *зросла* и *уродылася*, употребляются с предлогом *бэз*, указывающим на отсутствие у сироты счастливой доли: *... бэз щастя дивчина зросла. / Бэз щастя зросла, а бэз доли уродылася* [2, с. 204, № 150]. Родные молодого казака не хотят, чтобы девушка-сирота стала его женой и вошла в их семью, ведь она родилась и выросла без доли, а славяне верили, что свою обездоленность сирота может распространять на окружающих, поэтому сирота была «социально и ритуально маргинальным лицом» [15, т. 4, с. 641]. Таким образом, в песнях черноморцев прослеживается сложная, двуплановая, противоречивая прагматика образа сироты: с одной стороны, сочувствие сироте, а с другой – ее отстранение, отчуждение.

В другой песне, где слово *доля* сочетается с глаголом *пошлы* (*долю*), описывается обращение к Богу с просьбой простить сироту и послать ей счастливую судьбу: *Ой, Боже мий мылый, / За що ж ты караеш / Йийи молоду?.. / Пошлы ж ты йийи долю* («Така йийи доля...») [6, с. 412, № 217]. В данном песенном контексте лексема *доля* обозначает не реальное, а желаемое сиротское счастье.

Кроме того, в исследованных песнях отражается вера казаков в то, что долю, и счастливую, и горькую, человек получает при рождении (*бэз доли уродылася; вродывся в гиркой доли; бэзталанна уродылася*), а дает человеку долю Бог, то есть в контексте казачьих песен лексема *сирота* приобретает дополнительный смысл 'человек, тесно связанный с Богом'. Наши предки верили, что у сироты особые отношения с Богом: Бог забирает родителей, но взамен предоставляет свое покровительство, то есть сирота имеет «статус посредника между людьми и Богом» [15, т. 4, с. 641-642].

С песнями о сиротской доле тесно связаны песни о

несчастной доле вдовы: *Жила в тий хатыни / Старэнька вдова. / Жила в муки, в гори, / И слиз було морэ* («Стоить пид горою...») [6, с. 305, № 147]. И вдовство, и сиротство относились к состояниям, оцениваемым в народной традиции как социально ущербные [15, т. 1, с. 293]. Вдова – это «женщина, у которой умер муж» [3, т. 1, с. 365]. Данные этимологических словарей указывают на то, что это слово, как и лексема *сирота*, включает в свою семантическую структуру сему лишения, обделенности: общеславянская по происхождению лексема *вдова* первоначально означала «лишенная (супруга)» [22, с. 71]. В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных и в «Этимологическом словаре русского языка» А.Г. Преображенского это слово возводится к индоевропейскому корню *uidh-*, имевшему значение «разлучать, разделять, отделить» [20, т. 1, с. 136; 14, т. 1, с. 60].

Вдовья доля эксплицирована в казачьих песнях лексемами *горэ, беда, лыхо*, а также лексемой *доля* с определением *нешасная: Очи ж мои кары, / Беда мени з вамы. / Не хочете привыкаты / Без мылого самы* («Ой, сама ж я, сама...») [9, с. 147, № 27]. Кроме того, лексико-семантический контекст, изображающий обездоленность вдовы, включает слова или сочетания слов, обладающие семой отрицания и указывающие на то, что причина несчастной участи вдовы – потеря мужа: *нэ маю (хозяина), нымае (старшого), нема (пана), без (його, мылого)*. Лишь в одном песенном контексте употребляются лексемы *щасте* и *доля* (в значении «счастье»), но эти существительные управляются глаголом с отрицательной частицей (*не мала*), обозначающим отсутствие счастливой судьбы: *Та жыла вдова на подоли, / Та не мала щастя и доли* («Та жыла вдова на подоли...») [Там же, с. 429, № 48].

Участь вдовы тяжела не только потому, что она потеряла супруга, хозяина дома, но и потому, что ее дети остались без отца – «старшого»: *Ой, горэ мини, диты, / Та горэ мини з вамы. / Ой, нымае, диты, / Старшого миж вамы* («Ой з-за горы-горы...») [6, с. 328, № 163]. В песне «Ой, зацвила червона калына...» казачка жалуется матери на мужа-пьяницу, но просит мать не ругать его, ведь жизнь без мужа с малыми детьми на руках еще тяжелее, чем жизнь с пьющим мужем: *Ой, не лай, моя матусенько, / Та пьяныцю мого: / Йе у мене диточки дрибненькы, – / Лыхо ж буде мени без його* [9, с. 267, № 18]. Детям вдовы уготована участь сирот. Женщине без мужа трудно воспитать детей правильно, и народная песня показывает, что выросшие дети вдовы могут забыть свою старую мать (*Воны позабулы / До матэри шлях* («Стоить пид горою...») [6, с. 305, № 147]) или стать разбойниками (*Та сыны зрослы – в розбой пишлы* («Та жыла вдова на подоли...») [9, с. 429, № 48]).

Однако в песнях отражена и вера казаков в то, что вдове, как и сироте, помогает, покровительствует Бог.

Песня «Ой, из-за горы та буйный витер вие...» рассказывает о том, как Бог чудесным образом дал «на дитскэ щасте, на вдовыну славу» [2, с. 230, № 174] богатый урожай пшеницы, которая выросла, пока вдова возвращалась с поля домой. В песнях о вдовьей судьбе именно Бог является источником, подателем и счастливой, и несчастной доли, к нему обращается вдова с просьбой сжалиться над ней: *Зжалься, зжалься, мылый Боже! / Ще ж я молоденька* («Ой, сама ж я, сама...») [9, с. 147, № 27]. Таким образом, слово *вдова*, как и слово *сирота*, в текстах песен черноморских казаков обогащается дополнительным смыслом 'человек, тесно связанный с Богом'. Возможно, такая связь с Богом обусловлена не только обездоленностью вдовы, но и тем, что в народном сознании вдова сближалась с девственницей, а потому считалась безгрешной [15, т. 1, с. 296].

Большинство песен черноморских казаков, посвященных сиротской доле, описывает горькую участь казачки-сироты или вдовы (17 песен). И только в семи песенных текстах героем является казак. Социальный статус казака-сироты так же неполноценен, как и статус казачки-сироты. В песне «Ой у поли есть крыныця...» казак сокрушается, что ему, сироте, не отдадут в жены дивчину, которую он любит. Герой называет себя сиротой, так как он лишен родителей: *А я бидный сырота, / Батька й матэри немає* [6, с. 309, № 150]. Своими родственниками казак-сирота называет шашку, степь и коня, олицетворяя эти слова-образы: *А я бидный сырота: / Шашка з боку – вся родына, / Степ широкий – то мий сват, / Кинь гнидэнький – то ж мий брат* («Ой, у поли...») [9, с. 236, № 21].

Семантика обездоленности выражается в этих песенных контекстах эпитетами, характеризующими слово-образ *сырота/сырота: бидный* (дериват существительного *беда*) и *бэзталаный* (производное от существительного *талан*). У дивчины, которую любит казак, есть родители, а значит, и счастье, поэтому слово-образ *дивчина* определяет антонимичный определением *бидный* и *бэзталаный* эпитет *щаслыва*, который включает в свою семантическую структуру сему 'счастливая доля': *Ой, дивчина, ты щаслыва, / В тэбэ батько, маты е* [6, с. 309, № 150]. Антонимическая оппозиция *бидный, бэзталаный – щаслывый* присутствует и в тексте песни «Нэ щебэчи, соловэйко...», причем эпитеты *бидный* и *бэзталаный* традиционно описывают образ казака-сироты, а эпитет *щаслывый* характеризует соловья, у которого есть пара: *Ты щаслывый спарувався, / Ще й гнидэчко маеш. / А я бидный безталаный, / Ни доли, ни хаты* («Нэ щебэчи, соловэйко...») [Там же, с. 408, № 215]. Примечательно, что в варианте текста этой песни вместо слова *доля* употреблено слово *род*: *А я бидный безталаный, / Без роду, без хаты* [2, с. 132, № 88]. Такая взаимозаменяемость свидетельствует о сближении в фольклорном сознании понятий «род» и «счастливая доля»:

счастливым в представлении казаков мог быть только человек, у которого есть семья, родственники.

Лексико-семантический контекст шести из семи песенных текстов, посвященных казаку-сироте, включает лексему *хата* или ее производные *хатына*, *хатынка*: *А в сусида хата била, а в сусида жинка мыла, / А у мэнэ ни хатыны, нэма счастья, нэма жинки* («Та вже сусид жито сие...») [2, с. 326, № 251]. В данном песенном контексте в один смысловой ряд ставятся лексемы *хатына*, *счастье* и *жинка*, что способствует сближению их семантики: мужское счастье в казачьем сознании тесно связано с понятием «жена», а значит, и с понятием «дом». Дом – это главная составная часть своего пространства. Лексема *сирота* в таком лексико-семантическом окружении приобретает дополнительные смыслы: ‘тот, у кого нет своего пространства’, ‘тот, у кого нет жены’.

Сиротой, родившимся в горькой доле, себя называет и казак, которого бросила дивчина: *На шо ж мэнэ покыдаеш, робыш сыротою? / Покыдай же, Бог с тобою, буду вично плакать, / Буду плакать, прокlynаты свою гирку долю* («Ой, здорова, дивчинонька...») [Там же, с. 160, № 113]. И в этом песенном контексте семантическая структура слова *сирота* прирастает метафорическим смыслом ‘тот, кто лишен любимой’. Несчастливая доля казака-сироты эксплицирована здесь целым синонимическим рядом, включающим лексемы *бида*, *горе* и *доля* (с определением *гирка*): *Биди мени, сыротины, тилько сохну з горя. / Що вродывся в гиркой доли, хто тому выною?* [Там же]. Усиливает семантику несчастья управляющий существительным *горе* глагол *сохну* (з *горя*) и управляющий существительным *доля* глагол *прокlynаты* (свою *гирку* долю).

Таким образом, рассмотренный материал позволяет

сделать **следующие выводы**:

1. в текстах песен черноморских казаков участь сироты или вдовы обозначается употребленными в прямом значении словами или словосочетаниями, номинирующими негативный член оппозиции *доля – недоля*, что связано со сходством в семантике лексем *недоля*, *сирота*, *вдова*: ключевой семой в семантической структуре этих слов является сема лишенности. В песнях черноморских казаков слово *сирота* приобретает дополнительные смыслы: ‘та или тот, кто лишен своего пространства’; ‘тот, кто не имеет жены’; ‘тот, кто покинут любимой’;
2. сирота и вдова лишены того, что необходимо человеку для полноценной жизни, и этим объясняется отразившаяся в казачьих песнях неполноценность их социального статуса. Кроме того, и лексема *сирота*, и лексема *вдова* в текстах черноморских песен обогащаются дополнительным смыслом ‘человек, тесно связанный с Богом’;
3. в песнях черноморцев формируются противоречивые оттенки эмоциональной оценочности лексемы *сирота*: с одной стороны, сочувствие, жалость, а с другой – отторжение, отчуждение; лексема *вдова* в исследованных текстах обладает положительной эмоциональной оценочностью: народная песня сочувствует вдове;
4. в лексико-семантическом контексте казачьих песен слово-образ *доля* может олицетворяться, обозначая мифическое существо, являющееся либо двойником человека, либо его антагонистом.

Представляется **перспективным** дальнейшее исследование лексико-семантической репрезентации образа доли в песнях черноморских казаков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка / З.Е. Александрова. – М.: Русский язык, 2001. – 568 с.
2. Бигдай, А.Д. Песни кубанских казаков: в 2-х т. / [А.Д. Бигдай]; под ред. В.Г. Захарченко. – Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1992. – Т. 1. – 440 с.
3. Большой академический словарь русского языка / РАН, Институт лингвистических исследований; гл. ред. К.С. Горбачевич. – М.: Наука; СПб: Наука, 2004. – Т. 1. – 661 с.; 2006. – Т. 5. – 693 с.; 2008. – Т. 11. – 632 с.; 2019. – Т. 25. – 727 с.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. / В.И. Даль. – СПб: Изд-во М. О. Вольфа, 1880. – Т. 1. – 723 с.; 1881. – Т. 2. – 807 с.; 1882. – Т. 4. – 704 с.
5. Еремина, В.И. Специфика художественного образа в песнях земледельческого календаря // Русский фольклор: материалы и исследования. – Л.: Наука, 1974. – Т. XIV. Проблемы художественной формы / отв. ред. А.А. Горелов. – С. 61-73.
6. Захарченко, В.Г. Народные песни Кубани: сборник: в 2-х вып. / В.Г. Захарченко. – Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1997. – Вып. 2. – 586 с.
7. Иванов, В.В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период) / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1965. – 245 с.
8. Кондрашова, О.В. Ограничивающая семантика лексемы «свой» (по толковому словарю В.И. Даля) / О.В. Кондрашова, И.В. Шельдешова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствознание». – 2018. – Вып. 4 (227). – С. 47-54.
9. Концевич, Г.М. Народные песни казаков / Г.М. Концевич. – Краснодар: Эдви, 2001. – 448 с.
10. Костомаров, Н.И. Славянская мифология. – М.: Чарли, 1994. – 688 с.
11. Летова, А.М. Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре: диссертация... канд. филол. наук: 10.02.01 / Летова Анна Михайловна. – М., 2012. – 198 с.
12. Никитина, С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М.: Наука, 1993. – 190 с.

13. Потеня, А.А. Символ и миф в народной культуре / А.А. Потеня. – М.: Лабиринт, 2000. – 480 с.
14. Преображенский, А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2-х т. / А.Г. Преображенский. – М.: Типография Г. Лиснера и Д. Совко, 1910. – Т. 1. – 674 с.; 1914. – Т. 2. – 419 с.
15. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под ред. Н.И. Толстого; Институт славяноведения и балканистики РАН. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 1. 585 с.; 1999. – Т. 2. 702 с.; 2009. – Т. 4. 656 с.
16. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985. – Т. 1. – 696 с.; 1986. – Т. 2. – 736 с.; 1988. – Т. 4. – 800 с.
17. Ткаченко, П.И. Кубанский говор. Опыт авторского словаря П. И. Ткаченко. – Краснодар: Традиция, 2008. – 288 с.
18. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. – 576 с.; 1987. – Т. 3. – 832 с.
19. Хроленко, А.Т. Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор: материалы и исследования. – Л.: Наука, 1979. – Т. XIX. Вопросы теории фольклора / Отв. редактор А.А. Горелов. – С. 147-156.
20. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. / П.Я. Черных. – М.: Русский язык, 1999. – Т. I. – 623 с.
21. Чичеров, В.И. Русское народное творчество / В.И. Чичеров. – М.: Издательство Московского ун-та, 1959. – 525 с.
22. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.

© Епатко Татьяна Александровна (epatko.t.a@yandex.ru), Бурдун Светлана Владимировна (010670@bk.ru),
Белоусова Ольга Анатольевна (elpashevaoa@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Краснодар